СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXVI, № 2.

# ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

## ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

# ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

## ЗА 1884 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Я. К. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

# ОТЧЕТЪ

## ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

### за 1884 годъ,

**составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1884 года.**

Въ октябрѣ 1883 года Отдѣленіе русскаго языка и словесности особымъ публичнымъ собраніемъ помянуло столѣтнюю годовщину возникновенія своей родоначальницы, Россійской Академіи, и затѣмъ оно вступило въ 43-й годъ своего существованія въ составѣ Академіи Наукъ. Согласно съ мыслію, руководившею законодателемъ при сліяніи обоихъ учрежденій, Отдѣленіе наше, съ самаго основанія своего, старалось дѣйствовать въ строго-научномъ направленіи, котораго недоставало большей части трудовъ его предшественницы. Независимо отъ отдѣльно печатаемыхъ книгъ по той или другой отрасли русской филологіи, литературы и исторіи, члены Отдѣленія помѣщаютъ свои изслѣдованія въ періодическихъ изданіяхъ Академіи.

До 1862 года Отдѣленіе издавало *Извѣстія* и *Ученыя Записки*; когда же, въ президенство графа Блудова, для всѣхъ трехъ Отдѣленій Академіи основанъ былъ одинъ общій органъ на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Записки Академіи Наукъ*, то Отдѣленіе прекратило свои особыя два изданія. Вскорѣ однакожъ затрудненіе отыскивать среди массы крайне разнородныхъ

изслѣдованій, печатаемыхъ въ *Запискахъ*, статьи по части русской филологіи и литературы, побудило Отдѣленіе издавать, рядомъ съ *Записками*, особый *Сборникъ*, куда входили бы какъ тѣ же труды членовъ Отдѣленія, которые появляются въ *Запискахъ*, такъ и другія статьи, по обширности своей или по инымъ причинамъ неудобныя для помѣщенія въ *Запискахъ*. Въ 17 лѣтъ, протекшихъ со времени основанія нашего *Сборника* въ 1867 году, вышло его 35 томовъ, изъ которыхъ три послѣдніе изданы въ нынѣшнемъ году.

Чтобы въ общихъ чертахъ охарактеризовать дѣятельность нашего Отдѣленія, исчислимъ категоріи, на которыя труды его могутъ быть раздѣлены: 1, исторія языка и письменности, начиная съ самыхъ раннихъ временъ, именно съ церковно-славянскихъ памятниковъ; 2, изученіе средняго періода русской литературы сравнительно съ западно-европейскою; 3, исторія русскаго образованія со спеціальнымъ изученіемъ прошлаго Академіи Наукъ и Россійской Академіи; 4, теоритическая разработка современнаго русскаго языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ отношеніи, и 5, изданіе сочиненій прежнихъ русскихъ писателей.

По каждой изъ этихъ категорій представимъ краткій обзоръ трудовъ въ истекающемъ году.

## I.

По отдѣлу исторіи языка въ связи съ разработкой источниковъ русской исторіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ X-й томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, содержащій въ себѣ продолженіе такъ называемой Никоновской лѣтописи. Томъ этотъ, текстъ котораго сличенъ по восми спискамъ, обнимаетъ время отъ вступленія на престолъ, въ 1177 г., великаго князя Всеволода III Георгіевича до удаленія изъ Владимира въ Суздаль, въ 1362 г., великаго князя Димитрія Константиновича, вынужденнаго уступить престолъ Димитрію Іоанновичу Донскому.

Кромѣ того ак. Бычковъ, въ нынѣшнемъ году готовилъ къ изданію вторую часть описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. Въ эту часть войдетъ описаніе рукописей, которыя поступили въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной и которыя до сихъ поръ мало извѣстны занимающимся отечественной исторіей.

Академикъ И. В. Ягичъ, составившій въ 1883 году отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи архимандриту Амфилохію, напечаталъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ приложеніе къ этому отчету, четыре критико-палеографическія статьи, посвященныя вопросамъ, представившимся по поводу присужденной преміи. Первая статья касается греческой палеографіи въ видѣ разбора новѣйшаго, въ Россіи изданнаго пособія по этой отрасли филологіи. Вторая опредѣляетъ древнѣйшую редакцію славянскаго перевода псалтыри, доказывающую единство литературной школы, изъ которой вышли первоначальные переводы главнѣйшихъ частей библіи. Третья имѣетъ предметомъ особенности языка и перевода такъ называемаго Галицкаго евангелія. Четвертая указываетъ на тѣсную связь глаголическаго письма съ греческою мелкою скорописью.

Затѣмъ академикъ Ягичъ въ истекающемъ году продолжалъ свои занятія надъ памятниками древне-русской письменности. Желая воспользоваться всѣми доступными греческими и славянскими источниками, имѣющими значеніе для критики издаваемаго текста, академикъ долженъ былъ нѣсколько расширить размѣры предпринятаго изданія; вслѣдствіе чего I-й томъ еще не могъ выйти, хотя большая часть его уже отпечатана. Такъ напримѣръ памятникъ 1096 года уже оконченъ печатаніемъ со всѣми примѣчаніями и приложеніями; памятника же 1097 года печатается теперь послѣдняя треть. Къ приготовляемому тому составляется спеціальный словарь.

По мысли академика Ягича, Отдѣленіе въ этомъ же году предприняло или, вѣрнѣе, возобновило (по примѣру издававшихся прежде «Матеріаловъ для словаря и грамматики») изданіе, исклю-

чительно посвященное изслѣдованіямъ по русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Первый томъ этого изданія уже печатается подъ редакціею И. В.; въ самомъ началѣ его помѣщено подробное изслѣдованіе языка Остромирова евангелія.

Продолжая издавать въ Берлинѣ свой «Архивъ для славянской филологіи», г. Ягичъ напечаталъ въ немъ между прочимъ отрывки изъ переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—Добровскаго и Копитара. По однимъ этимъ отрывкамъ любители славянской науки могли убѣдиться въ важности всей переписки и потому конечно сочувственно встрѣтятъ полное ея собраніе, печатаемое академикомъ Ягичемъ, по порученію Отдѣленія, въ академическомъ изданіи. Для характеристики движенія славистики въ первую четверть нашего вѣка у западныхъ Славянъ эта переписка доставитъ драгоцѣнный матеріалъ.

Къ одному разряду съ этими занятіями наличныхъ членовъ Отдѣленія долженъ быть причисленъ объемистый трудъ нашего московскаго сотоварища Ѳ. И. Буслаева, изданный Обществомъ любителей древней письменности, подъ заглавіемъ «Русскій лицевой Апокалипсисъ, сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX-й». Извѣстно, что академикъ Буслаевъ издавна съ особенною любовью занимается изученіемъ древнихъ церковно-славянскихъ рукописей и преимущественно находящихся въ нихъ живописныхъ изображеній. Самый богатый матеріалъ для этого представляютъ сохранившіяся въ большомъ количествѣ рукописи Апокалипсиса, писанныя въ Россіи, начиная съ XVI столѣтія. Неудивительно, что эти рукописи обратили на себя особенное вниманіе нашего академика, и плодомъ его многолѣтнихъ надъ ними изслѣдованій было названное великолѣпное изданіе, напечатанное на иждивеніи всегда готоваго содѣйствовать подобнымъ предпріятіямъ графа С. Д. Шереметева; оно состоитъ изъ русскаго текста, занимающаго 835 стр., и атласа, содержащаго болѣе 300 изящно воспроиз-

веденныхъ рисунковъ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ нашего времени по части исторіи древней русской письменности въ связи съ исторіей искусства иконографіи

## II.

По сравнительному изученію средняго періода русской литературы академикъ А. Н. Веселовскій продолжалъ свои изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ и напечаталъ второй выпускъ этого труда. Главное содержаніе его составляютъ заѣзжіе богатыри: Иванъ Гостиный сынъ, богатыри Суздальцы, Чурила и Дюкъ Степановичъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ по былинѣ о Дюкѣ, матеріалъ для сравненія съ западно-европейскими произведеніями этого рода представлялся въ изобиліи, но авторъ дорожилъ не столько указаніями на сходства, сколько разысканіемъ, какими путями пріурочилась та или другая пришлая тема къ русской почвѣ, въ какомъ видѣ присоединилась она къ Кіевскому пѣсенному циклу и какія измѣненія могла или должна была испытать, развиваясь уже подъ воздѣйствіемъ смежныхъ былинъ въ цѣломъ составѣ эпоса и подъ вліяніемъ его общей идеи. Въ послѣдующихъ отдѣлахъ своего труда академикъ переходитъ отъ пришлыхъ сюжетовъ къ народно-поэтическимъ элементамъ нашего эпоса. Разбирая былину «о гибели богатырей на Руси», онъ указываетъ на историческія событія, ее вызвавшія, и на выступающій въ ней образъ древняго Алеши Поповича, еще не опошленный позднѣйшимъ одностороннимъ развитіемъ его типа. Греческія и юго-славянскія пѣсни о паденіи Византіи и Болгарскаго царства представили любопытныя параллели къ этой былинѣ «о гибели» и подали поводъ къ изслѣдованію о царѣ Константинѣ, переводящему эти параллели на болѣе общую почву. Къ былинѣ «о гибели» примыкаетъ, по сходству пѣсенныхъ схемъ, группа пѣсенъ «о боѣ Ильи съ сыномъ». Далѣе авторъ, возвращаясь къ вопросу о древнемъ типѣ Алеши Поповича, старается прослѣдить развитіе одной, вѣроятно до-татарской былины въ

ея различныхъ пріуроченіяхъ и искаженіяхъ. Наконецъ онъ знакомитъ насъ съ новой стороной личности Алеши, съ Алешей пересмѣшникомъ, заслонившимъ стараго «зарывчатаго» удальца, и предлагаетъ опытъ возстановленія одной утраченной пѣсни о немъ по сказкамъ и указаніямъ другихъ былинъ.

Изъ статей А. Н. Веселовскаго, печатавшихся въ теченіе года въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ, разсматривающія источники сербской поэмы объ Александрѣ, которыхъ до сихъ поръ почти никто еще не касался. Эти статьи обнимаютъ лишь часть текста; въ цѣломъ видѣ онъ явится въ новомъ рядѣ изслѣдованій, которыя авторъ уже началъ печатать въ академическомъ изданіи.

## III.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, продолжая свой обширный трудъ по исторіи Россійской Академіи, окончилъ недавно печатаніе 7-го выпуска ея. Въ шести предыдущихъ выпускахъ помѣщены біографіи тѣхъ изъ членовъ Академіи, которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ ея работахъ и предпріятіяхъ. Въ нынѣшнемъ же выпускѣ говорится о писателяхъ ученыхъ и вообще о лицахъ, удѣлявшихъ Россійской Академіи лишь небольшую часть своихъ досуговъ. Поэтому тутъ являются уже не біографіи, а подъ каждымъ именемъ собраны только свѣдѣнія о прикосновеніи этихъ лицъ къ академической жизни и дѣятельности, свѣдѣнія, которыя приходилось по большей части отыскивать въ массѣ разнородныхъ архивныхъ рукописей. Несмотря на такой повидимому отрывочный характеръ своего содержанія, новый выпускъ нисколько не уступаетъ въ занимательности предыдущимъ, и заключающіяся въ немъ данныя представляютъ большой интересъ какъ сами по себѣ, такъ и по связи съ другими чертами, рисующими взгляды, убѣжденія и нравы эпохи. Особенно любопытны сообщаемыя здѣсь письма академиковъ и лицъ, на-

ходившихся съ ними въ перепискѣ. Изъ этого источника мы узнаемъ напримѣръ, что Фонвизинъ былъ истиннымъ авторомъ плана перваго академическаго словаря или начертанія, послужившаго основою для дальнѣйшихъ работъ. Съ именемъ Хераскова, какъ директора Московскаго университета, связано введеніе русскаго языка въ лекціи тамошнихъ профессоровъ, которыя вначалѣ читались по-латыни и по-нѣмецки. Екатерина II ясно понимала необходимость, чтобы въ Россіи языкомъ науки былъ русскій, а не какой-либо другой языкъ. Уже въ первые годы своего царствованія Императрица, при одномъ докладѣ куратора Московскаго университета, выразила желаніе, чтобы русскимъ студентамъ лекціи читались по-русски. Въ письмѣ къ кабинетскому секретарю, Кузьмину, Херасковъ напоминаетъ ему объ этомъ словесномъ повелѣніи и проситъ доложить Ея Величеству, «чтобы утвердить письменно высочайшее намѣреніе, которое уже навсегда твердымъ узаконеніемъ останется».

Въ числѣ членовъ Россійской Академіи находились и нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей вѣка Екатерины II, и они были членами не только по имени, но и внесли свои вклады (употребляя тогдашнее выраженіе) «въ общій академіи трудъ».

Ив. Ив. Шуваловъ собиралъ, выписывая изъ книгъ, слова для академическаго словаря; разсматривалъ отпечатанные листы, дѣлая къ нимъ свои дополненія и замѣчанія; предложилъ основать повременное изданіе, въ которомъ бы указывались ошибки языка въ сочиненіяхъ и переводахъ и подавались совѣты къ ихъ исправленію. Желающимъ принять на себя подобный трудъ Шуваловъ предлагалъ, съ своей только стороны, по триста рублей въ годъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, представленный Гнѣдичемъ, въ его идилліи: *Рыбаки,* въ образѣ вельможи, чтущаго «дарованія Бога», будучи избранъ въ члены Россійской Академіи, посѣщалъ академическія собранія и принималъ участіе въ академическихъ трудахъ: выписывалъ изъ книгъ слова для

академическаго словаря, сообщилъ свои замѣчанія на глаголы *алчу* и *алкаю* и т. д.

Особенно подробно разсмотрѣна дѣятельность Шишкова, который могъ бы сказать: «Россійская Академія, это я». Въ теченіе почти сорока лѣтъ Шишковъ былъ душою академической жизни и дѣятельности. Трудами его наполнялись академическія изданія; въ его рукахъ находился и выборъ членовъ и выборъ предметовъ для разработки ихъ совокупными силами.

При обзорѣ историческаго сочиненія М. И. Сухомлинова нельзя не отмѣтить, что онъ, выставляя пользу, какую оказывала академія, не скрываетъ и тѣней, являющихся въ ея дѣятельности. Такъ, при единогласномъ избраніи въ 1806 году въ академики преосвященнаго Евгенія Болховитинова, авторъ разсказываетъ:

«Избраніе это не доставило Евгенію ни малѣйшаго удовольствія; онъ принялъ его скрѣпя сердце, и только изъ приличія поблагодарилъ, кого слѣдуетъ, за оказанное ему вниманіе. Да иначе и быть не могло: Россійская Академія не представляла того, что имѣло большое значеніе въ глазахъ Евгенія. Въ ней не было тогда ни духа науки, ни крупныхъ талантовъ, ни вѣрнаго взгляда на цѣль и направленіе академической дѣятельности. Вмѣсто дружной семьи просвѣщенныхъ тружениковъ, въ академіи работалъ, собственно говоря, только одинъ человѣкъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы труды его не пропали даромъ. Но водворяемое имъ направленіе не обѣщало большого добра и не могло возбуждать особеннаго сочувствія. Проницательный и чуткій Евгеній ясно понималъ, къ чему поведетъ такой порядокъ вещей, такое отчужденіе отъ всего того, что заключало въ себѣ залогъ движенія и жизни въ литературѣ, а слѣдовательно и въ литературномъ языкѣ.

«Несмотря однакоже на все это, Евгеній не уклонялся отъ участія въ предпріятіяхъ нелюбимой имъ академіи, и самымъ тщательнымъ образомъ исполнялъ то, что обѣщалъ въ отвѣтѣ своемъ на извѣщеніе о выборѣ въ академики. Принося обычную благодарность за избраніе, Евгеній изъявляетъ полную готов-

ность исполнять всѣ порученія академіи, а также и представлять на ея благоусмотрѣніе все то, что можетъ содѣйствовать ея трудамъ и занятіямъ».

Весьма любопытна также статья о Востоковѣ, окончательное и единогласное избраніе котораго состоялось 12 іюня 1820 года. «Истинная цѣль избранія Востокова», говоритъ М. И. Сухомлиновъ, «раскрывается въ письмѣ къ нему Шишкова. Закоренѣлый въ своихъ филологическихъ убѣжденіяхъ и предразсудкахъ, Шишковъ, вводя въ академію ученаго, всецѣло посвятившаго себя наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка чрезвычайно податливаго, уступчиваго и самою природою осужденнаго на безмолвіе [1]), надѣялся пріобрѣсти въ немъ усерднаго, работящаго сотрудника, вслѣдствіе чего и предлагалъ ему вникнуть въ правила корнесловія, которыми руководствуется Академія, и пользоваться ими въ своихъ изслѣдованіяхъ. Такого рода надежды и требованія весьма понятны со стороны Шишкова; труднѣе объяснить отношеніе къ нимъ самого Востокова. Знаменитый филологъ, одинъ изъ первостепенныхъ ученыхъ Европы, преклоняется передъ своенравнымъ дилеттантомъ, и съ большимъ вниманіемъ и даже, по его собственнымъ словамъ, *съ пользою для себя* читаетъ филологическія фантазіи, невыдерживающія научной критики. И не только самъ читаетъ ихъ, стараясь уразумѣть ихъ воображаемую глубину, но и другимъ совѣтуетъ искать въ нихъ путеводной нити, весьма полезной для неопытныхъ новичковъ въ филологіи. Письмо Шишкова и отвѣтъ Востокова имѣютъ большое значеніе и для біографіи этихъ лицъ и для характеристики современной имъ академической жизни и дѣятельности».

Подъ редакціей акад. Сухомлинова приготовляются къ изданію «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». Изданіе это, какъ было уже объяснено въ прошлогоднемъ отчетѣ, предпринято по мысли г. президента, графа Д. А. Толстого. Въ печатающійся нынѣ томъ входятъ документы, относящіеся ко времени учре-

---

[1]) Востоковъ сильно заикался.

жденія Академіи Наукъ и къ первымъ годамъ ея существованія. Рядъ первыхъ источниковъ, съ собственноручными замѣтками Петра Великаго, знакомитъ насъ со взглядомъ его на цѣль учрежденной имъ въ Россіи академіи, съ выборомъ силъ для научной дѣятельности и съ первыми попытками слѣдовать по пути, указанному геніальнымъ основателемъ академіи. Въ высшей степени любопытно «исчисленіе дѣлъ, что профессоры, елико ко умноженію и совершенству наукъ и елико къ наставленію юношества, доселѣ произвели». Подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ Германа, Делиля, Леонарда Эйлера, Коля, Гроса и другихъ представляютъ много важныхъ чертъ для исторіи просвѣщенія. Любопытны также списки учениковъ академической гимназіи, въ числѣ которыхъ находимъ Василія Адодурова, князя Антіоха Кантемира и др. Въ массѣ документовъ черты научной дѣятельности соединяются съ чертами тогдашняго быта, и т. п. «Академія повинна», говорится въ одной рукописи, «всѣ декуверты въ наукахъ разсматривать и откровенно сообщать, вѣрны ли оныя изобрѣтенія, великой ли пользы суть, или малой. . . . Такожде и чюжестраннымъ великая забава будетъ, понеже ежегодно три публичныя ассамблеи уставлены, и отъ одного члена Академіи разговоръ изъ своей науки чиненъ будетъ и въ оной похвалы протектора защитителя введены будутъ».

Для академическихъ изданій присылали свои вклады также и иностранные ученые: «Христіанъ Вольфій прислалъ Начало силъ; Михелотти, медицины докторъ и профессоръ въ Венеціи, прислалъ «исторію болѣзни дочери жидовскія прекуріозную» и т. д.

Издаваемые документы представляютъ большой интересъ и для исторіи языка: поэтому важнѣйшіе изъ нихъ печатаются не только въ нѣмецкомъ подлинникѣ, но и въ современномъ подлиннику русскомъ переводѣ.

Въ повременныхъ изданіяхъ помѣщены, между прочимъ, статьи академика Сухомлинова: 1, Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина, и 2, Полемическія статьи Пушкина. На основаніи неизвѣстныхъ доселѣ руко-

писныхъ матеріаловъ представлены здѣсь данныя для литературной исторіи произведеній Пушкина. Авторъ пользовался писанною самимъ поэтомъ тетрадью: «Бориса Годунова»,—тою самою, которая была въ рукахъ Императора Николая, а равно и подлинными рукописями другихъ произведеній Пушкина, которыя онъ представлялъ Государю.

Къ этому же виду дѣятельности Отдѣленія долженъ быть отнесенъ оконченный въ текущемъ году трудъ составителя настоящаго отчета: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ»,—систематическій обзоръ содержанія двадцатилѣтнихъ письменныхъ сношеній между императрицей и французскимъ литераторомъ, умѣвшимъ, во время своего краткаго пребыванія въ Петербургѣ, снискать и навсегда сохранить полнѣйшее ея сочувствіе и довѣріе. Собраніе подлинныхъ его писемъ къ государынѣ, дополненное въ послѣдніе годы множествомъ новыхъ писемъ, прежде считавшихся потерянными, печаталось тѣмъ же академикомъ, по порученію Историческаго Общества, въ особомъ изданіи, которое и появится въ наступающемъ году.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о составленномъ имъ и читанномъ въ общемъ собраніи названнаго общества очеркѣ исторіи одного эпизода шведской войны при Екатеринѣ II, извѣстнаго подъ именемъ Аньяльской конфедераціи. Находящійся въ связи съ этимъ трудъ его о шведскомъ эмигрантѣ Спренгпортенѣ будетъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1].

## IV.

По разработкѣ современнаго русскаго языка напечатано имъ же 3-е изданіе его «Филологическихъ Разысканій» въ двухъ томахъ, дополненное нѣсколькими новыми статьями и представляющее нѣкоторыя измѣненія прежняго текста. Одновременно авторъ,

[1] Онъ уже появился въ 1-й книгѣ этого изданія на 1885 годъ.

по порученію Отдѣленія, составилъ руководство къ *русскому правописанію*. Въ основаніе положено было его же изслѣдованіе о «спорныхъ вопросахъ нашей орѳографіи, но каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи наличныхъ членовъ Отдѣленія и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія. Этимъ Отдѣленіе хотѣло удовлетворить сознаваемую всѣми потребность и желаніе, которое не разъ было высказываемо въ обществѣ. По примѣру этого опыта, и другія стороны теоріи языка могутъ быть впослѣдствіи такимъ же образомъ обработаны совокупнымъ академическимъ трудомъ.

Къ разряду филологическихъ работъ по части лексикографіи относится только что отпечатанный (по распоряженію Отдѣленія) *Словарь Архангельскаго нарѣчія*, составленный покойнымъ Подвысоцкимъ. Первоначально этотъ словарь представленъ былъ Академіи Наукъ въ 1881 году и тогда же увѣнчанъ Ломоносовскою преміей; при чемъ Отдѣленіе выразило готовность напечатать его, если онъ будетъ исправленъ и пополненъ по сообщеннымъ автору замѣчаніямъ. Эго требованіе было добросовѣстно исполнено; но прежде нежели составитель успѣлъ возвратить въ Академію переработанный имъ словарь, внезапная болѣзнь прекратила его жизнь въ началѣ 1883 г. Получивъ отъ вдовы Подвысоцкаго этотъ почтенный трудъ, Отдѣленіе поспѣшило издать его и надѣется, что этимъ новымъ дополненіемъ къ академическому. «Опыту Областнаго Словаря» вносится существенный вкладъ въ русскую діалектологію [1]).

---

[1]) Александръ Осиповичъ Подвысоцкій, родомъ изъ Черниговской губерніи, умеръ въ Архангельскѣ 23 февраля 1884 года, 53-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ учился въ Харьковскомъ университетѣ и по окончаніи курса дѣйствительнымъ студентомъ поступилъ въ Украинскій егерскій полкъ; но въ 1844 г. оставилъ военную службу и былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка по Варшавскому учебному округу. Потомъ онъ занималъ разныя должности въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ губерніяхъ. Въ турецкую войну 1854 года служилъ онъ столоначальникомъ при дежурствѣ войскъ и былъ при осадѣ Силистріи; затѣмъ состоялъ чиновникомъ для особыхъ порученій при намѣстникѣ кн. Горчаковѣ, въ Варшавѣ; далѣе былъ членомъ могилевской слѣдственной комиссіи и исправникомъ въ Россіенскомъ у. Ковенской губерніи. Въ

## V.

По части изданія сочиненій прежнихъ писателей въ истекающемъ году сдѣлано слѣдующее:

Къ столѣтней годовщинѣ дня рожденія Н. И. Гнѣдича, 2-му февраля, напечатано небольшое, но цѣнное собраніе рукописей этого писателя, полученное Отдѣленіемъ отъ почтеннаго любителя литературы П. Н. Тиханова. Въ числѣ ихъ особенно любопытна записная книжка Гнѣдича.

Наслѣдники покойнаго С. П. Шевырева предоставили въ распоряженіе Академіи рукопись *лекцій его о русской литературѣ*, читанныхъ имъ въ Парижѣ для кружка соотечественниковъ въ 1862 году. Отдѣленіе, признавъ полезнымъ опубликованіе этихъ бесѣдъ, отличающихся оживленнымъ и общедоступнымъ изложеніемъ, опредѣлило напечатать ихъ подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ своихъ. Оба названные труда вошли въ составъ *Сборника* и сверхъ того выпущены отдѣльными книгами.

Въ теченіе нынѣшняго года продолжалось возложенное на меня изданіе сочиненій и переписки академика П. А. Плетнева. По отпечатаніи 3-го тома, содержащаго между прочимъ переписку его съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, положено теперь же выпустить въ свѣтъ три первые тома, за которыми послѣдуетъ еще одинъ, куда войдетъ остальная переписка автора, біографическія о немъ свѣдѣнія и другія дополненія. По поводу этого изданія прошу позволенія нѣсколько распространиться о Плетневѣ и трудахъ его.

---

1866 г. назначенъ совѣтникомъ Харьковскаго губернскаго правленія; съ 1868 по 1871 исправлялъ въ разное время должность вице-губернатора, былъ директоромъ харьковскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и членомъ комитета статистическаго. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ и послѣ того не разъ исправлялъ должность губернатора; наконецъ съ 1879 года занималъ должность управляющаго Архангельскою конторою Государственнаго банка. Вдова его Софья Абрамовна—рожденная Неудачина. Сынъ его въ настоящее время студентомъ Санктпетербургскаго университета.

Нынѣ живущимъ поколѣніямъ имя Плетнева мало извѣстно: онъ умеръ около 20-ти лѣтъ тому назадъ, а сочиненія его разсѣяны въ журналахъ и сборникахъ, рѣдко попадающихся въ руки современныхъ читателей. Характеристика Плетнева, набросанная Тургеневымъ, не отличается вѣрностью и не говоритъ въ пользу проницательности автора. Въ этомъ убѣдится всякій, кто внимательно прочтетъ издаваемыя нынѣ сочиненія и письма Плетнева. Въ нихъ онъ является человѣкомъ, рано уже усвоившимъ весьма здравыя понятія о литературѣ и искусствѣ, весьма зрѣлыя убѣжденія и твердыя правила; и тѣмъ и другимъ онъ остался вѣренъ до конца.

Происходя изъ духовнаго званія — онъ родился въ 1792 г. въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губ.— Плетневъ только восемнадцати лѣтъ отъ роду, именно въ 1811 году, изъ мѣстной семинаріи привезенъ былъ въ Петербургъ для поступленія въ Педагогическій институтъ, гдѣ и кончилъ курсъ около того же времени, какъ Пушкинъ выпущенъ былъ изъ Царскосельскаго лицея. Случайныя обстоятельства скоро сблизили его съ лицейскими поэтами и съ Жуковскимъ. Это знакомство имѣло рѣшающее значеніе для всей его будущности. Въ литературномъ кругу, признававшемъ Карамзина своимъ учителемъ и вождемъ, созрѣли тѣ нравственные и эстетическіе взгляды, которыми Плетневъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно руководился. Сдѣлавшись по призванію писателемъ, онъ вслѣдствіе воспитанія долженъ былъ поступить на поприще педагога. Дѣятельность въ этомъ званіи надолго связываетъ его съ женскими институтами, Екатерининскимъ и Патріотическимъ, въ которыхъ онъ своимъ разумнымъ преподаваніемъ и симпатическимъ характеромъ пріобрѣтаетъ восторженное уваженіе и привязанность нѣсколькихъ поколѣній своихъ учениць. Жуковскій, исполняя важныя обязанности по воспитанію Наслѣдника престола, на время своихъ отлучекъ изъ Петербурга поручаетъ Плетневу преподаваніе русской литературы государевымъ дѣтямъ. Затѣмъ Плетневъ, уже составивъ себѣ имя какъ критикъ и поэтъ, получаетъ каѳедру въ Петербург-

скомъ университетѣ, а въ 1839 году избирается въ ректоры его и занимаетъ эту должность болѣе двадцати лѣтъ сряду. При учрежденіи въ Академіи Наукъ новаго Отдѣленія, онъ назначается членомъ его, а съ 1859 года предсѣдательствующимъ, и въ этомъ званіи умираетъ въ Парижѣ въ 1865 году 29 декабря, въ тотъ самый день, въ который онъ столько разъ являлся на этой каѳедрѣ лѣтописцемъ нашего Отдѣленія. Пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ и будучи привязанъ къ Петербургу своею службой, нерѣдко превращавшей его изъ ректора въ правящаго должность попечителя, Плетневъ до послѣдняго десятилѣтія своей жизни оставался безвыѣздно въ Россіи, не бывалъ даже въ Москвѣ; но женившись во второй разъ въ 1849 г. онъ, начиная съ 56-го, часто живалъ за границей, гдѣ въ послѣдніе годы безуспѣшно искалъ исцѣленія отъ постигшей его тяжкой болѣзни.

Авторскую свою дѣятельность Плетневъ началъ въ качествѣ члена Вольнаго Общества любителей россійской словесности, возникшаго въ Петербургѣ въ 1816 г., и вскорѣ на него были возложены обязанности редактора журнала *Соревнователь*, который оно издавало. По особенностямъ своего ума и характера, по роду своихъ занятій онъ и впослѣдствіи не разъ принималъ на себя заботы по изданію чужихъ трудовъ, особенно Пушкина. Но въ 40-лѣтнемъ періодѣ его литературной жизни всего важнѣе, въ этомъ отношеніи, тѣ девять лѣтъ (1838—1846), въ теченіе которыхъ онъ издавалъ, по смерти Пушкина, основанный поэтомъ *Современникъ*. Въ сущности Плетневъ не соединялъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для журналиста условій; между прочимъ онъ тщательно избѣгалъ полемики, но конечно не отъ робости, которую приписываетъ ему Тургеневъ, а отъ нежеланія вести борьбу съ противниками, не всегда сражающимися честнымъ оружіемъ. Въ этомъ онъ держался правила, которое неуклонно соблюдалъ Карамзинъ и которое отъ него наслѣдовало большинство его приверженцевъ. Впрочемъ, въ послѣдній годъ изданія своего *Современника* Плетневъ нарушилъ это систематическое молчаніе и доказалъ, что можно, вполнѣ сохраняя

свое достоинство, карать ложь и недобросовѣстность. Какъ бы ни было, *Современникъ*, подъ редакціею Плетнева, какъ и при Пушкинѣ, оставался очень почтеннымъ литературнымъ сборникомъ, но мало отвѣчалъ идеѣ журнала, отличительною чертою котораго должно быть живое отношеніе къ интересамъ настоящаго.

Въ началѣ своего поприща Плетневъ являлся въ печати почти исключительно съ стихотвореніями, въ которыхъ преобладала элегическая струна. Иногда, подъ бременемъ своихъ обязательныхъ занятій, онъ невольно сѣтуетъ на свой жребій; по временамъ онъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности избраннаго имъ пути, въ своемъ призваніи къ поэзіи. Такъ въ концѣ посланія къ Гнѣдичу, въ 1822 году, онъ говоритъ:

Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ
На поприще поэзіи ошибкой:
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
«Сними съ себя вѣнокъ, ты не поэтъ!» (III, 256).

Извѣстно его посланіе къ Пушкину, написанное въ отвѣтъ на слишкомъ строгій приговоръ его стихамъ, произнесенный поэтомъ въ письмѣ къ брату. Это одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній Плетнева. Вотъ какъ онъ начинаетъ:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы,
И можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной. . . (276).

Въ концѣ онъ горюетъ, что судьба, или, говоря проще, служба, удаляетъ его отъ болѣе свободныхъ друзей-поэтовъ:

Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
Напрасно жду сердечнаго участья:

Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья. . (278).

Послѣ этой глубоко-меланхолической и безукоризненной по отдѣлкѣ пьесы, Пушкинъ сталъ относиться справедливѣе къ таланту скромнаго друга, особенно когда прочиталъ его стихи «Къ Музѣ». Въ минуту душевной бодрости Плетневъ говоритъ:

Муза! ты мой путь презрѣнный
Съ гордостью не обошла
И судьбѣ моей забвенной
Руку вѣрную дала.
Будь до гроба мой вожатый!
Оживи мои мечты,
И на горькія утраты
Брось послѣдніе цвѣты. (298).

Пушкинъ запомнилъ эти стихи, и при первой встрѣчѣ съ авторомъ прочелъ ихъ ему наизусть.

Несмотря однакожъ на возраставшій успѣхъ своихъ стихотвореній, которыми дорожили издатели тогдашнихъ альманаховъ и которыя онъ всего охотнѣе помѣщалъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* барона Дельвига, Плетневъ скоро покинулъ поприще поэта и послѣ 1827 года почти ничего изъ своихъ стиховъ уже не печаталъ. Въ бумагахъ его осталась переписанная имъ самимъ большая тетрадь его стихотвореній. Въ наше изданіе вошли тѣ изъ нихъ, которыя казались намъ наиболѣе заслуживающими вниманія.

Вслѣдъ за стихами Плетнева стали появляться въ журналахъ 1820-хъ годовъ и критическія статьи его. Съ первыхъ же шаговъ на этомъ пути онъ занялъ почетное мѣсто въ литературѣ. Послѣ Мерзлякова Плетневъ надолго становится самымъ замѣчательнымъ у насъ критикомъ, но идетъ вовсе не по слѣдамъ московскаго эстетика, любившаго наполнять свои разборы пате-

тическими возгласами, а говоритъ спокойнымъ тономъ и простымъ языкомъ судьи, вполнѣ сознающаго законы, на которыхъ онъ основываетъ свои требованія и приговоры. Тогда начиналась самая свѣтлая эпоха нашей литературы. Карамзинъ, выпустивъ первые восемь томовъ Исторіи, стоялъ въ апогеѣ своей славы; Жуковскій восхищалъ всѣхъ своими возсозданіями изъ Шиллера и Байрона; Батюшковъ допѣвалъ свои гармоническія пѣсни; Пушкинъ, издавъ Руслана и Людмилу, готовилъ къ печати Кавказскаго Плѣнника; каждое новое произведеніе его составляло событіе; въ сторонѣ отъ нихъ, но съ неменьшимъ почетомъ стоялъ Крыловъ; вокругъ этихъ первостепенныхъ талантовъ группировались другіе, хотя и менѣе блестящіе, но также замѣчательные: кн. Вяземскій, бар. Дельвигъ, Баратынскій, Гнѣдичъ, Глинка, Языковъ, Козловъ. Припоминая, что къ этой плеядѣ принадлежалъ и Плетневъ, мы поймемъ, что онъ для задачъ критика обладалъ важнымъ преимуществомъ,—тонкою воспріимчивостью къ прелестямъ поэзіи, способностью и вкусомъ для оцѣнки истинно прекраснаго въ искусствѣ. Съ другой стороны, его близость къ корифеямъ тогдашней литературы, а чрезъ нихъ и ко всему внутреннему движенію ея, ставила его въ особенно выгодное для критика положеніе. По собственному его поэтическому настроенію естественно, что первые критическіе опыты свои онъ посвящалъ разбору произведеній поэзіи, и именно произведеній то одного, то другого изъ названныхъ первоклассныхъ писателей. Я замѣтилъ, что уже съ самаго начала своего авторства Плетневъ выражаетъ тѣ здравыя эстетическія понятія, которыя онъ и послѣ постоянно развивалъ въ своихъ статьяхъ. Въ чемъ же они состояли? Во всякомъ произведеніи изящной литературы, вообще во всякомъ искусствѣ, онъ первымъ требованіемъ ставитъ истину, вѣрность жизни и природѣ, наконецъ простоту. Онъ цѣнитъ каждое произведеніе по тому, насколько въ немъ отражается и чувствуется дѣйствительная жизнь. Все, съ усиліемъ придуманное, неестественное, вычурное строго имъ осуждается, и первымъ признакомъ этихъ недостатковъ служитъ

для него многосложность и запутанность вымысла, отражающаяся въ обиліи хитро-сплетенныхъ происшествій и подробностей. Онъ былъ врагъ всякихъ теорій. Онъ требовалъ только, чтобы каждое художественное произведеніе носило на себѣ отпечатокъ «жизни народа и мѣстности», чтобы художникъ «сосредоточивалъ свое вниманіе на исключительныхъ особенностяхъ всякаго предмета и не довольствовался чертами общими, похожими на истины отвлеченныя». Уже въ началѣ 20-хъ годовъ, разбирая идиллію Гнѣдича «Рыбаки», онъ выразилъ мысль, что «народная поэзія предпочтительнѣе неопредѣленной и всеобщей поэзіи». Позднѣе, въ 1833 г. этотъ предметъ подробно развитъ имъ въ рѣчи, произнесенной въ университетѣ «о народности въ литературѣ». Замѣчательно какъ онъ понималъ и цѣнилъ поэзію Пушкина съ самаго появленія первыхъ созданій его. Въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» онъ тогда же съ большою мѣткостью указалъ и красоты этой поэмы, и недостатки ея. Въ ней, по его замѣчанію, «два только характера: черкешенки и русскаго плѣнника. Намъ пріятнѣе говорить о характерѣ первой, потому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что можетъ только представить воображеніе поэта: нѣжная сострадательность, трогательная простодушіе и первая невинная любовь, — все изображено въ характерѣ черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ. . . Но неполнымъ остается разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна» (I, 73) и т. д. Такъ же вѣрно было впечатлѣніе, произведенное на Плетнева «Евгеніемъ Онѣгинымъ» еще въ рукописи. Получивъ ее для изданія, онъ писалъ Пушкину: «Онѣгинъ твой будетъ карманнымъ зеркаломъ петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до уморы. Ножки восхитительны. Ночь на Невѣ съ ума нейдетъ у меня. . . . Но Разговоръ съ книгопродавцемъ верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я уже не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ

столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики»! (III, 313).

Чѣмъ далѣе шелъ Плетневъ, тѣмъ шире и разнообразнѣе становился кругъ предметовъ, которые онъ обнималъ яснымъ умомъ своимъ. По поводу появленія переводовъ изъ Шекспира въ 1837 году, онъ высказалъ объ этомъ писателѣ нѣсколько мыслей въ статьѣ, которая была напечатана въ одной изъ распространенныхъ въ то время газетъ и обратила на себя общее вниманіе. Шекспиромъ онъ издавна восхищался и говаривалъ, что изученію и переводу его твореній можно бы посвятить цѣлую жизнь. Кромѣ произведеній изящной словесности, въ область критики Плетнева входила также исторія литературы и исторія политическая, относительно которой онъ часто высказывалъ тотъ неоспоримо вѣрный взглядъ, что изложенію общихъ событій должна предшествовать разработка матеріаловъ частной и мѣстной исторіи. Одною изъ любимыхъ идей его при изданіи журнала было помѣщеніе въ немъ отдѣла «современныхъ записокъ», которыя и дѣйствительно иногда появлялись въ немъ: такъ подъ этою рубрикой были напечатаны статьи о путешествіи по Россіи цесаревича великаго князя Александра Николаевича и Жуковскаго въ свитѣ его, о юбилеѣ Крылова, о читанныхъ въ Петербургѣ курсахъ литературы и др.

Смерть Пушкина, который въ послѣдніе годы жизни еще болѣе прежняго сблизился съ нимъ, глубоко поразила Плетнева. Съ тѣхъ поръ имя поэта стало часто появляться на страницахъ Современника, особенно въ воспоминаніяхъ самого издателя. Много свѣжихъ взглядовъ, много новыхъ чертъ для біографіи и характеристики великаго писателя сообщено его другомъ въ статьяхъ, которыя еще и теперь не потеряли цѣны своей. Сильное впечатлѣніе, произведенное на него этой утратой, долго отражается въ перепискѣ его: такъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Жуковскому онъ удивляется, что послѣ кончины геніальнаго человѣка все въ мірѣ продолжаетъ итти по

прежнему, какъ будто въ природѣ не произошло ничего особеннаго.

За нѣсколько лѣтъ ранѣе умеръ Дельвигъ, и ему Плетневъ посвятилъ некрологъ, заслужившій одобреніе Пушкина. Послѣ смерти Баратынскаго, Крылова, Жуковскаго, а также гр. Канкрина и гр. Уварова Плетневъ почтилъ память каждаго изъ нихъ превосходными статьями. Біографія Крылова, напечатанная передъ собраніемъ сочиненій баснописца, наиболѣе извѣстна и давно оцѣнена по достоинству. Но по теплотѣ сочувствія и по глубинѣ изученія еще выше стоятъ статьи Плетнева о Жуковскомъ. Съ Жуковскимъ соединяли его еще тѣснѣйшія узы, чѣмъ съ Пушкинымъ. По самой натурѣ своей, крайне воспріимчивой, мягкой и нѣжной, Плетневъ долженъ былъ чувствовать наиболѣе сильное влеченіе къ личности и произведеніямъ идеальнѣйшаго человѣка и поэта. Къ тому же онъ былъ и въ судьбѣ своей много обязанъ Жуковскому. Неудивительно, что Плетневъ смолоду не только горячо любилъ его, какъ старшаго друга и покровителя, но и питалъ къ нему какое-то благоговѣніе.

Кромѣ разборовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній Жуковскаго, Плетневъ написалъ о немъ двѣ большія статьи. Первая была начата въ послѣдніе мѣсяцы жизни Василія Андреевича по поводу новаго изданія его сочиненій, а окончена уже по полученіи извѣстія о его смерти. Содержаніе этой статьи составляетъ характеристика поэзіи Жуковскаго. Плетневъ входитъ тутъ въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ относительно поэзіи и поэта вообще. Между прочимъ онъ энергически возстаетъ здѣсь, какъ и при другихъ случаяхъ, противъ высказывавшагося въ тогдашней журналистикѣ мнѣнія, «будто поэзія отжила свой вѣкъ для европейскихъ народовъ, будто она, для сохраненія достоинства своего между нашими современными вопросами, должна ограничиться развитіемъ какого-нибудь общественнаго направленія». «Это мнѣніе, заключаетъ Плетневъ, принадлежитъ къ положеніямъ того односторонняго и ложнаго ученія, которое, подобно всякой неожиданной новости, нерѣдко соблазняетъ слабые

и легкомысленные умы». «Для человѣчества поэзія не утратила и никогда неможетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все прекрасное и высокое, отъ природы врожденное намъ и душѣ нашей». (III, 2).

Говоря о возвышенномъ содержаніи поэзіи Жуковскаго, въ связи съ возвышенностью души его, Плетневъ припоминаетъ замѣчаніе Пушкина, что «слова поэта суть уже дѣла его» и выводитъ отсюда прекрасное заключеніе объ обязанностяхъ писателя: «И отъ писателя», говоритъ онъ, «какъ отъ всякаго гражданина, общество ожидаетъ дѣятельности полезной, видимаго вклада въ сокровищницу добра и свѣта». Въ другой статьѣ авторъ этихъ строкъ еще полнѣе выражаетъ свои требованія отъ писателя: «Созданія таланта должны быть освящены нравственнымъ его достоинствомъ, характеромъ, выразившимся въ благородной дѣятельности, въ жизни неукоризненной и самостоятельной. Нѣтъ ни убѣжденія, ни красоты, ни истины въ словахъ человѣка, презираемаго нами, какъ бы онъ ни выражался сладкорѣчиво». (II, 179).

Исходя изъ такого взгляда, Плетневъ находитъ, что при разборѣ писателя недостаточно смотрѣть на него со стороны эстетической: «выводы важнѣйшіе, высшіе начинаются только съ вопроса: что значили слова его, какъ дѣла?» И затѣмъ, примѣняя этотъ вопросъ къ Жуковскому, онъ разбираетъ всѣ главныя произведенія его, начиная съ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». —Другая статья Плетнева о Жуковскомъ имѣетъ преимущественно біографическій характеръ и драгоцѣнна по множеству новыхъ для того времени свѣдѣній о жизни и личности поэта.

Мелкіе разборы или, вѣрнѣе, критическія замѣтки, помѣщавшіяся въ Современникѣ и въ которыхъ издатель немногими словами оцѣнялъ выходившія въ свѣтъ книги, останутся навсегда дороги для историка тогдашней литературы. Естественно, что не всѣ они равнаго достоинства, но многіе изъ нихъ, по своей мѣткости, а иногда и по сквозящему въ нихъ юмору, могутъ быть названы настоящими перлами этого рода лаконической критики.

Для насъ любопытны между прочимъ отзывы, которыми Плетневъ въ 40-хъ годахъ встрѣчалъ первые опыты талантовъ, коихъ имена позднѣе пріобрѣли въ литературѣ общепризнанное значеніе, напр. Достоевскаго, Тургенева, Майкова, Полонскаго, Плещеева. Всѣхъ ихъ онъ привѣтствовалъ сочувственно и характеризовалъ вѣрными чертами, предугадывая будущее ихъ развитіе.

О занимательности переписки, помѣщенной въ концѣ 3-го тома собранія сочиненій Плетнева, достаточно говорятъ имена тѣхъ писателей, съ которыми онъ велъ ее.

Извлеченія изъ нея отдѣльныхъ мѣстъ повело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что она представляетъ весьма разнообразный интересъ не только какъ біографическій и библіографическій матеріалъ, но и какъ источникъ, откуда можно почерпнуть много любопытныхъ чертъ для общественной исторіи времени. Не говоря уже о томъ, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ является тутъ личность самого Плетнева, позволю себѣ только привести изъ одного письма его нѣсколько строкъ, имѣющихъ отношеніе къ изданію его сочиненій и показывающихъ какъ скромно самъ онъ смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность. «Въ отчетахъ моихъ по академіи и университету», пишетъ онъ Жуковскому въ 1852 г., «я нахожу возможность и удобный случай помѣщать небольшія біографіи тѣхъ замѣчательныхъ лицъ, которыя состояли въ качествѣ членовъ этихъ ученыхъ обществъ. Конечно, какъ члены бываютъ разнаго рода, такъ и біографіи мои. Но мнѣ все-таки весело помянуть отъ души добрымъ словомъ человѣка, который чѣмъ-нибудь въ жизни своей согрѣлъ мое сердце . . . Ежели, по смерти моей, въ чьей-нибудь душѣ сохранится обо мнѣ теплое воспоминаніе, ему легко будетъ выбрать эти сорокъ или пятьдесятъ біографій и, приложивши къ нимъ позамѣчательнѣе разборы мои разныхъ лучшихъ сочиненій русскихъ, издать ихъ въ одной книгѣ. Хоть я и знаю, что это не выйдетъ что-нибудь вѣковѣчное, однакоже читатель встрѣтитъ тутъ не одну мысль, не одно слово, согрѣтое чувствомъ и проникнутое

живымъ убѣжденіемъ». (III, 728). Такъ мало требовалъ онъ самъ отъ издателя своихъ трудовъ. Академія, цѣня по достоинству эти труды, поняла шире задачу такого изданія. Біографіи, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ словахъ, найдутъ мѣсто въ 4-мъ томѣ.

Въ предыдущемъ исчислены труды каждаго изъ членовъ Отдѣленія порознь. Общая дѣятельность ихъ выражается между прочимъ въ присужденіи нѣкоторыхъ изъ имѣющихся при Академіи премій. Недавно полною Пушкинскою преміей увѣнчанъ переводчикъ Горація, А. А. Шеншинъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Фета, при чемъ главнымъ основаніемъ приговора послужила рецензія профессора Римской литературы И. В. Помяловскаго. Отдѣленіе уже имѣло случай публично выразить ученому критику, а также и другимъ лицамъ, обязательно принимавшимъ участіе въ разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсъ трудовъ, живѣйшую признательность Академіи за просвѣщенное содѣйствіе ихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ будущемъ году предстоятъ по Отдѣленію конкурсы на пять премій, а именно на преміи: Жуковскаго, Ломоносова, Пушкина, графа Д. А. Толстого и графа Уварова; условія соисканія этихъ премій уже были въ свое время оглашены и будутъ снова опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

Учрежденіе въ послѣдніе годы при Академіи Наукъ нѣсколькихъ новыхъ премій конечно увеличиваетъ въ значительной мѣрѣ обязанности и отвѣтственность академиковъ передъ обществомъ; но мы охотно несемъ сопряженные съ ними труды въ той отрадной надеждѣ, что труды эти не пропадутъ для успѣховъ отечественнаго образованія, въ той ободряющей мысли, что они сближаютъ насъ съ живыми силами литературы и общества, къ обоюдной пользѣ науки и жизни.